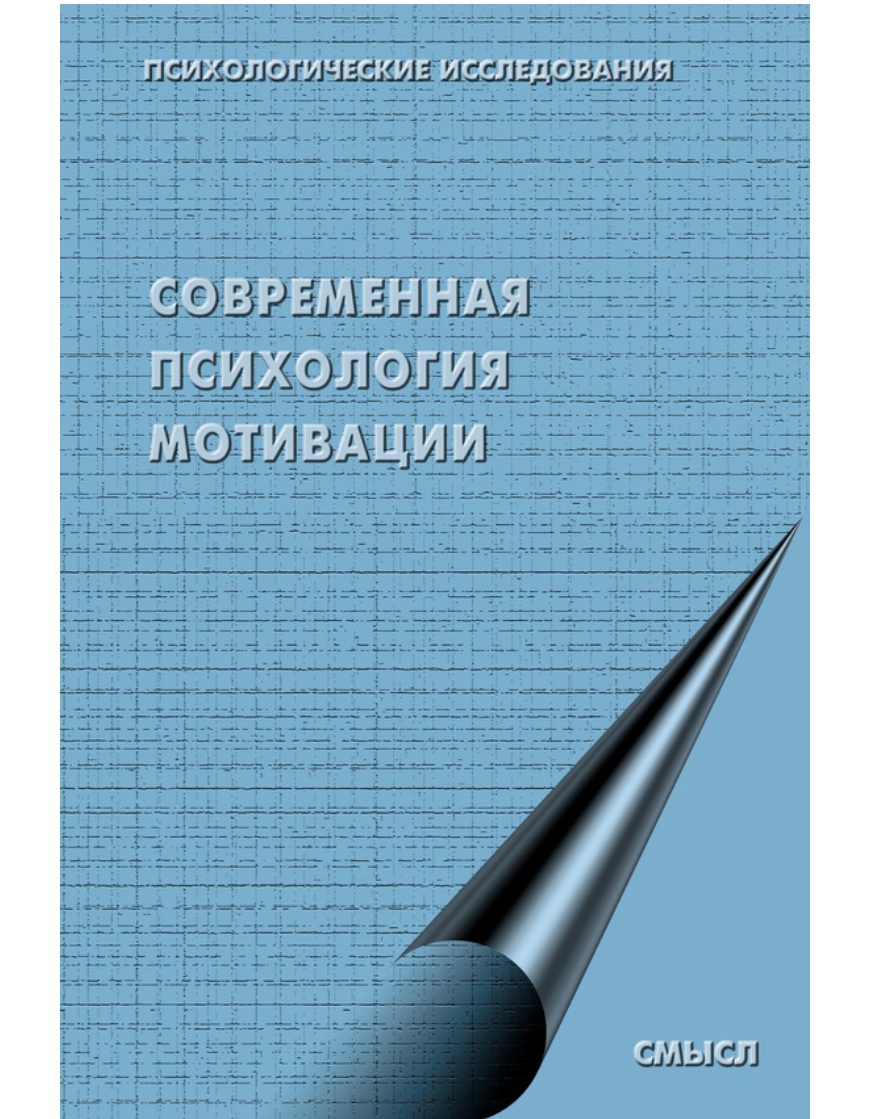
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ МОТИВАЦИИ



СМЫСЛ

Коллектив авторов

Современная психология мотивации (сборник)

Серия «Психологические исследования»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5975752
Современная психология мотивации. Под ред. Д.А. Леонтьева: Смысл; Москва; 2002
ISBN 5-89357-134-7

Аннотация

Сборник работ ученых, представляющих научную школу факультета психологии МГУ, которые посвящены современным проблемам психологии мотивации. Статьи сборника содержат теоретические обзоры, теоретико-экспериментальные и прикладные исследования, опирающиеся на новые тенденции психологии мотивации и саморегуляции, сформировавшиеся в последние два десятилетия. Адресуется психологам.

Содержание

От инстинктов – к выбору, смыслу и саморегуляции: Психология мотивации вчера, сегодня и завтра 6

Литература 20

Подходы к мотивации в современной психологии 23

Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ 23

Истоки теорий самоактуализации 26

«Стремление к актуализации» в теории личности К. Роджерса 30

Теория самоактуализации А. Маслоу 32

Исследование самоактуализирующихся личностей 34

Первая теория человеческой мотивации 39

Самоактуализация как механизм и процесс развития личности 42

Пиковые переживания как эпизоды самоактуализации 45

По ту сторону самоактуализации: теория метамотивации и ценностей бытия 47

Критика гуманистических концепций 53

самоактуализации

Конец ознакомительного фрагмента.

Современная психология мотивации

Научный редактор доктор психологических наук Д.А. Леонтьев.

От инстинктов – к выбору, смыслу и саморегуляции: Психология мотивации вчера, сегодня и завтра

Д.А.Леонтьев

Русскоязычные психологи сейчас испытывают явные затруднения, когда им приходится соприкасаться с проблемами психологии мотивации. Обобщающих книг на русском языке по этой весьма важной теме за последние 15 лет, после перевода фундаментального труда Х. Хекхаузена (1986), просто не выходило, если не считать переводов классических текстов З. Фрейда, К. Юнга, К. Левина, Г. Олпорта, А. Маслоу, Э. Фромма, Л. Фестингера и др., написанных более полувека (в лучшем случае треть века) тому назад. Можно лишь условно считать их современными, постольку, поскольку, по замечанию одного из авторов данного сборника, хорошая теория всегда современна, но при всем этом они отнюдь не отражают нынешнее состояние этой области. Есть еще пара удручающих попыток учебников по этой теме, хоть и написанных совсем недавно, но отражающих эту область в том виде, который она имела лет 40 назад – как свет далекой звезды, приносящий нам ее образ многолетней давности.

Но отчасти в этом повинно и современное состояние дан-

ной области в мировой психологии, вызывающее некоторую растерянность и замешательство у приближающегося к ней исследователя. Действительно, если в середине XX века предмет, границы и специфика психологии мотивации были вполне понятны, то теперь эта область оказалась фактически поделенной между психологией личности, психологией регуляции деятельности и саморегуляции и психологией познавательных процессов. Налицо обилие частных эмпирических исследований, дефицит общетеоретических идей и отсутствие обобщающих книг после того же Хекхаузена.

Конечно же, на психологии мотивации отражается общая тенденция исторического развития психологии – от многих разных психологий (в том числе психологий мотивации), каждая из которых предлагала свое видение предмета, несоединимое с остальными, и разрабатывала свою делянку, к постепенной выработке единого проблемного поля и переходу к коллективной его обработке. Какую марку комбайна (теорию) предпочтет земледелец – вопрос привычки, удобства и продуктивности; поле все равно общее. И здесь судьба психологии мотивации оказывается такой же, как судьба других областей психологии и других областей знания, превращающихся из авторских учений в науку: по мере накопления эмпирического знания общая часть предметной области, не вызывающая разногласий у разных школ, становится все обширнее, а полигоны, на которых сталкиваются альтернативные теоретические воззрения, все меньше. Можно

утверждать, что уже в 1960 – 70-е годы в основном завершилась классическая эпоха в психологии мотивации и тесно переплетающейся с ней психологии личности, когда границы между предметными областями и между разными школами были четко определены.

Психологию мотивации можно в первом приближении определить, в духе известной формулы С.Л. Рубинштейна (1973), как область общей психологии, изучающую детерминацию конкретных поведенческих актов и их последовательностей, опосредованную психическими процессами. Из этого определения вытекает, во-первых, что психологию мотивации интересуют причины и регуляторы поведения, а не само его протекание. Во-вторых, то, что психология регуляции деятельности пересекается с психологией мотивации своей частью – психологией мотивационной регуляции, то есть обеспечения направленности деятельности в соответствии с ее мотивом; регуляция деятельности на основе иных критериев в поле интересов психологии мотивации не входит. Наконец, это определение исключает процессы, осуществляющиеся без опосредования психическими процессами, такие как дыхание, кашель или энурез; они имеют причины, но не мотивы.

Исторически (и одновременно логически) первой парадигмой психологии мотивации было выведение поведения из внутренних причин, которые рассматривались как инвариантные, присущие природе человека источники энер-

гии, которая затем трансформируется в поведенческие акты. К. Левин (2001) относил такое объяснение к аристотелевскому способу мышления в психологии, а Х. Хекхаузен (1986) обозначил его как объяснение «с первого взгляда». На этой основе строились практически все классические теории мотивации: теории Мак-Дугалла, Фрейда, раннего Адлера, Хорни, Роджерса, раннего Маслоу. На первом, классическом этапе развития психологии мотивации (до 1930-х гг.) ее центральным вопросом был вопрос о природе и содержании этих базовых тенденций; этот вопрос фактически совпадал с вопросом о природе человека, а мотивационные явления рассматривались как проявления этой природы, которую сводили однако к биологической природе человека.

Эта парадигма существовала задолго до возникновения научной психологии и безраздельно господствовала до 1930-х годов, когда с одной стороны бихевиористы, пытавшиеся максимально упростить картину движущих сил поведения, а с другой стороны Курт Левин, боровшийся против упрощения этой картины, сместили акцент сначала на внешние (средовые, ситуационные) причины («объяснение со второго взгляда», по Х. Хекхаузену) и затем – на взаимодействие внешних и внутренних причин («с третьего взгляда»).

Но это было не единственное парадигматическое изменение в психологии мотивации. Если попробовать определить общий вектор, в направлении которого развивалась психология мотивации за последние 100 лет, то это будет вектор

от естественнонаучных (биологических) моделей мотивации к гуманитарным (социокультурным и антропологическим) моделям. Первые теоретические модели мотивации – модели Мак-Дугалла, Фрейда, ранних бихевиористов – строились на принципиально естественнонаучной основе. Они не предполагали введения в психологию мотивации человека принципиально иных объяснительных принципов по сравнению с психологией мотивации животных. Поэтому в этот период, который можно назвать натуралистическим, психология мотивации развивалась вне контекста психологии личности, которой тогда еще не существовало.

Начало гуманитарной революции в психологии мотивации, которая, впрочем, отнюдь не разрушила до основанья естественнонаучные подходы, приходится на 1930-е годы, что совпадает со становлением психологии личности как особой предметной области общей психологии. В этот период были выдвинуты революционные идеи: переход от фрейдовского причинного объяснения к целевому у А. Адлера (см. *Adler*, 1980), который В.Франкл (*Frankl*, 1970) позже сравнивал с коперниканской революцией; введение идеи коллективной ментальности как источника многих феноменов индивидуальной психологии у К.-Г. Юнга (1991); взгляд на мотивацию как на порождение системы «индивид – мир» у Г. Мюррея (*Murray*, 1938) и введение идеи контроля над мотивационными процессами через их опосредствование у Л.С. Выготского (1983).

Эти идеи, естественно, не были сразу же ассимилированы господствующей бихевиористской линией, однако получили дальнейшее развитие в послевоенный период: телеологическая перспектива получила мощное развитие в теории стремления к смыслу В. Франкла (1990) и теории метамотивации А. Маслоу (1999), социокультурная перспектива – в работах довольно разных авторов, из которых наиболее наглядна, пожалуй, трактовка мотивов как культурных схематизмов у Р. д'Андраде (*d'Andrade*, 1992); перспектива «индивид-мир» получила изящное воплощение в экзистенциальной теории человеческих потребностей Э. Фромма (2001) и в «соотносительной» теории мотивации Ж. Нюттена (*Nuttin*, 1984), а идеи контроля над мотивацией в 1980 – 90-е годы оказались в центре внимания немецкой психологии мотивации, возродившей на новом уровне старую проблему воли (*Хекхаузен*, 2003).

На этом втором этапе развития психологии мотивации, который можно назвать антропологическим, психология мотивации фактически совпадает с психологией личности. Более того, основным содержанием большинства теорий личности выступает как раз модель мотивации, движущих сил поведения и развития – достаточно бросить взгляд на теории позднего Адлера, Фромма, Маслоу, Роджерса, Мюррея, Франкла и других авторов.

Начиная с середины 1950-х годов вопрос о том, какие вообще мотивы в принципе движут человеком, постепенно те-

ряет свою актуальность благодаря накоплению большого количества данных о таких трансформациях исходных мотивационных тенденций в мотивы конкретных поведенческих актов, которые делают исходные побуждения (если они есть) полностью неузнаваемыми. Вклад в этот сдвиг интересов со статических к динамическим моделям мотивации внесли и необихевиористские исследования мотивационного обусловливания, и новаторские подходы школы К. Левина, и психодинамические работы, и концепция функциональной автономии мотивов Г. Олпорта (2002), из которой по сути следует, что абсолютно неважно, что является генетически исходным базовым побуждением человека – либидо, самоутверждение или стремление к смыслу, поскольку прижизненно формирующиеся на его основе разнообразные мотивы утрачивают функциональную связь с ним. Интерес смещается на изучение механизмов мотивации конкретной деятельности, трансформации и преломления устойчивых мотивационных тенденций в конкретных условиях. Этот период отмечен новым расхождением психологии мотивации и психологии личности; психология мотивации изменила психологии личности с когнитивной психологией, результатом чего явились хорошо известные теории Дж. Келли, Л. Фестингера и других когнитивистов, а также когнитивистские версии бихевиористского подхода к мотивации у Дж. Роттера и раннего А. Бандуры, и парадигма мотивации достижения Д. Мак-Клелланда, Дж. Аткинсона и раннего Х. Хекхау-

зена. К этому, ситуационно-динамическому этапу (середина 1950-х – конец 1960-х гг.) можно отнести также подходы Ж. Нюттена, А.Н. Леонтьева и Д.Н. Узнадзе, рассматривавших вопросы мотивации в контексте проблемы общей структуры и динамики человеческой активности. При этом важным новшеством стала идея смысловых связей как основы для разворачивания мотивационных процессов (А.Н. Леонтьев, Ж. Нюттен, М. Босс).

Четвертый и пока последний этап психологии мотивации, который удается вычленить на сегодняшний день, опять соединяет психологию мотивации с психологией личности, но несколько иначе. На первый план выступают проблемы, ранее поставленные в экзистенциальной философии и психологии и долгое время игнорировавшиеся главными направлениями академической психологии – проблемы выбора, свободы, воли, контроля над мотивацией, жизненных целей, перспективы будущего, саморегуляции в широком смысле слова, возможностей, автономии и самодетерминации (см. *Леонтьев*, 2000). Мотивация вновь рассматривается в антропологическом контексте, но понимается при этом гораздо шире, чем раньше, и если на втором, антропологическом этапе традиционно понимаемая мотивация рассматривалась как ядро широко понимаемой личности, то теперь уже личность выступает как ядро широко понимаемой мотивации. От когнитивных процессов, опосредующих механизмы мотивации, акцент смещается на сознание и личность в це-

лом. К этому, личностному этапу развития психологии мотивации, начавшемуся в 1980-е годы, можно отнести прежде всего теорию временной перспективы в поздних работах Ж. Нюттена (*Nuttin*, 1984; 1985), модели волевой регуляции позднего Х. Хекхаузена, Ю. Куля, Ю. Бекмана, П. Голвитцера и др. (см.: *Хекхаузен*, 2003), теорию самоэффективности позднего А. Бандуры (см. статью Т.О. Гордеевой в этом издании) и теорию внутренней мотивации и самодетерминации Э. Деси и Р. Райана (см. статью О.Е. Дергачевой в этом издании). В отечественной психологии в этом русле находятся исследования мотивации и воли в парадигме смысловой регуляции деятельности, пик которых также пришелся на 1980-е годы (Б.С. Братусь, И.А. Васильев, Ф.Е. Василюк, Б.В. Зейгарник, В.А. Иванников, Д.А. Леонтьев, Е.В. Эйдман).

То, что представляет собой современная психология мотивации, трудно представить себе как целое в силу ее раздробленности, а также в силу того, что в ней сочетаются (как и в самой человеческой мотивации) как тенденции, направленные в перспективу будущего, так и тенденции, отражающие опыт прошлого. Несмотря на интенсивное и богатое развитие, в ней все еще доминирует аристотелево-картезианская картина мира, выражающаяся в преобладающем внимании к рациональным механизмам за счет иррациональных, засилии количественных методов в ущерб качественным, ригидной дихотомии внешнего и внутреннего, преиму-

щественном внимании к структурам, а не связям между ними. Зоной ближайшего развития психологии мотивации мне представляются следующие основные идеи:

1. СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ – истоки человеческой мотивации находятся не во врожденных диспозициях или средовых факторах самих по себе, а в уникальных, гибких и в то же время императивных отношениях, связывающих индивида с миром.

2. ТЕЛЕОЛОГИЧНОСТЬ – человеческие действия всегда имеют смысл и направлены на цель. Даже если можно зафиксировать причинные детерминанты поведенческих актов, они в свою очередь тоже имеют свои детерминанты высшего порядка. Ответ на вопрос «по какой причине» может быть только половинчатым, окончательный ответ возможен только через ответ на вопрос «зачем», локализующий поведение в смысловом контексте.

3. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ – очень большая часть содержания и структуры мотивации человека усваивается им из коллективной ментальности социальной общности, к которой он принадлежит (см. подробнее *Леонтьев*, 1996; 1997 *б*).

4. ЛИЧНОСТНЫЙ ХАРАКТЕР – мотивация есть всегда мотивация личности, которая придает ей форму и управляет ею; даже в тех случаях, когда человек неспособен контролировать свою мотивацию, причину этого мы находим в личности.

* * *

Непосредственным поводом к подготовке этого сборника послужила прошедшая в Москве в июне 2002 года 8-я международная конференция по мотивации (8th International……, 2002), в которой принимали активное участие многие из его авторов. Книга выходит в свет уже после завершения конференции, что позволяет констатировать, что исследования ведущих отечественных специалистов в этой области в качественном отношении не уступают мировым, сочетая, с одной стороны, высокий уровень компетентности и осведомленности в проводящихся во всем мире исследованиях, и использование творческих концептуальных подходов, разработанных в отечественной психологической традиции, – с другой. Все авторы сборника – выпускники факультета психологии Московского университета (большинство работают там и в настоящее время), на котором с самого его основания и по сей день продолжают культивироваться оригинальные подходы к проблемам мотивации и саморегуляции, заложенные в работах А.Н. Леонтьева, Б.В. Зейгарник, О.К. Тихомирова и других видных ученых.

Первый раздел сборника содержит статьи обзорно-аналитического плана. В статье Д.А. Леонтьева прослежена эволюция понятия и объяснительного принципа самоактуализации, начиная с введения этого понятия К. Гольдштейном

и кончая самыми последними публикациями на эту тему. Показано, что А. Маслоу, с именем которого в первую очередь связывается это понятие, постоянно пересматривал его содержание и в конечном счете пришел к воззрениям, существенно отличавшимся от того, с чего он начинал. Статья Т.О. Гордеевой посвящена историко-критическому анализу разных подходов к проблеме мотивации достижения, и в первую очередь эволюции когнитивных подходов к мотивации в 1970 – 90-е годы. Предметом анализа выступают ключевые для современной психологии мотивации теории и модели Б. Вайнера, М. Селигмана, К. Двек, А. Бандуры и Э. Деси. Автор предлагает также собственную интегративную модель мотивации достижения. Подробному анализу самой, пожалуй, авторитетной из сегодняшних теорий мотивации – теории автономии и самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, – посвящена статья О.Е. Дергачевой.

Второй раздел содержит фундаментальные теоретико-экспериментальные исследования в области психологии мотивации и саморегуляции. В.К. Вилюнас и А.С. Кравченко обосновывают в своей статье выделение мотивации демонстративного поведения как особого вида мотивации, заслуживающего специального анализа. Е.Е. Насиновская фокусируется на спорных вопросах анализа мотивационной основы альтруистического поведения. Статья Т.В. Корниловой посвящена всестороннему рассмотрению проблемы принятия решения, содержит как теоретический обзор, так и ав-

торские теоретические и экспериментальные исследования этой проблемной области. И.А. Васильев ставит проблему соотношения мотивационных, эмоциональных и смысловых компонентов регуляции мыслительной деятельности. В статье О.Н. Арестовой поставлена и экспериментально исследована проблема негативного влияния мотивации на познавательные процессы. А.Е. Войскунский и О.В. Смыслова обращаются к одному из наиболее оригинальных подходов в современной психологии мотивации – теории потока М. Чиксентмихайи, – показывая его применимость для анализа мотивации хакеров. В статье Г.В. Иванченко в контекст психологии мотивации вводится категория возможности и рассматривается ее эвристическая ценность в этом контексте.

Последний, третий раздел посвящен в основе своей прикладным проблемам психологии мотивации. Е.Ю. Патяева на основании различения заданного внешними требованиями и самоопределяемого поведения проводит детальный мотивационный анализ ситуации школьного обучения, формулируя убедительную альтернативу традиционной модели принудительного учения. Экспериментальная работа И.А. Спиридоновой посвящена изучению временной трансспективы школьников, в частности, ее зависимости от локуса контроля. Наконец, в статье Ф.С. Сафуанова разбираются мотивационные механизмы криминальной агрессии. Показано, что мотивационная основа преступлений против личности не связана только лишь с индивидуальным уровнем

диспозициональной агрессивности, но связана также с характеристиками ситуации и развитостью тормозящих механизмов.

Литература

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3.

Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001.

Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности (статья первая) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1996. № 4. С. 35 – 44.

Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997 *а*. С. 156 – 176.

Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности (статья вторая) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1997 *б*. № 1. С. 20 – 27.

Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психол. журнал. 2000. Т. 21, № 1. С. 15 – 25.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.

Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

Франкл В. Человек в поисках смысла / Под ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.

Фромм Э. Искусство любить / Под ред. Д.А. Леонтьева. СПб.: Азбука, 2001.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. / Под ред. Б.М. Величковского. М.: Педагогика, 1986.

Хеккхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд., перераб. / Под ред. Д.А. Леонтьева, Б.М. Величковского. СПб.: Питер-пресс; М.: Смысл, 2003.

Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

8th International Conference on Motivation. Abstracts. Moscow, 2002.

Adler A. What life should mean to you. London: Allen and Unwin,1980.

D'Andrade R.G. Schemas and motivation // D'Andrade R.G., Strauss C. (Eds.). Human Motives and Cultural Models. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 23 – 44.

Frankl V.E. Fore-runner of existential psychiatry // J. of Individual Psychology. 1970. Vol. 26, № 1. P. 12.

Murray H. Explorations in personality. New York: Cambridge University Press, 1938.

Nuttin J. Motivation, planning, and action: a relational theory of behavior dynamics. Leuven: Leuven University press;

Hillsdale (NJ): Lawrence Eribaum Associates, 1984.

Nuttin J. Future time perspective and motivation. Leuven: Leuven University press; Hillsdale (NJ): Lawrence Eribaum Associates, 1985.

Подходы к мотивации в современной психологии

Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ

Д.А. Леонтьев

Судьба понятия самоактуализации в какой-то степени повторяет судьбу таких понятий как «либидо» или «архетип» – будучи введено как объяснительное понятие в конкретно-научном контексте, оно «пошло в народ» и влилось в повседневную речь, оказывая мощное влияние на обыденное сознание людей. Популярность идей Карла Роджерса и Абрахама Маслоу давно перешагнуло границы психологической науки. В научном же плане начиная с семидесятых годов прошлого века эти идеи не получили нового развития. В результате подавляющее большинство психологов, не говоря уже о непсихологах, используют это понятие не в его конкретно-научном значении, а в патетическом эмоциональном ореоле его обыденного употребления, не отличающего самоактуализацию от самореализации, самовыражения, само-

утверждения, личностного роста и развития вообще. Популярность этого понятия сыграла с ним злую шутку, рикошетом ударив по психологам-профессионалам.

Данная работа направлена на подробное рассмотрение идеи самоактуализации как теоретического принципа и включает в себя историческую реконструкцию внутренней логики развития этой идеи в работах представителей «гуманистической психологии», систематизацию и разбор критики в адрес существующих теорий самоактуализации и выявление их методологических изъянов под углом зрения решавшихся ими задач. Большая часть анализа будет закономерно посвящена развитию идей Абрахама Маслоу, с именем которого это понятие в первую очередь связывается. Маслоу не был первым, кто ввел это понятие в психологию, но он разработал его самым детальным образом и постоянно (в отличие, скажем, от К. Роджерса), вплоть до своей смерти в 1970 году развивал и пересматривал свои взгляды, пройдя огромный путь от справедливо критиковавшихся преформистских по своей сути воззрений на процесс личностного развития – до чисто экзистенциалистских положений.

Достаточно часто понятия самоактуализации и самореализации используются как взаимозаменяемые синонимы, что сильно дезориентирует читателей, поскольку значение этих двух понятий не совпадает.Понятие самореализации гораздо шире, оно не привязано к определенной теоретической парадигме и обозначает процессы личностного раз-

вития и трансляции личностью своего содержания другим людям и культуре через созидательные и коммуникативные процессы. Это отражено в работах самых разных авторов – от К.Г. Юнга и К. Хорни до Р. Ассаджиоли, Ж. Нюттена и марксистски ориентированных философов и психологов (см. *Леонтьев*, 1997 *а*; 2000). Понятие самоактуализации, напротив, представляет собой конкретную теоретическую трактовку развития и самореализации личности, сложившуюся в определенной научной парадигме – личностно-ориентированном или «потенциалистском» (*Франкл*, 1990) варианте гуманистической психологии, предполагающем наличие врожденного потенциала специфически человеческих свойств и характеристик, который должен при благоприятных условиях развития разворачиваться, переходя из потенциальной в актуальную форму.

Необходимо отметить еще один принципиальный момент в определении понятий самоактуализации и самореализации, ускользающий из внимания при их употреблении на русском языке. В отличие от русского префикса «само-», английское «self-», как и немецкое «Selbst-» означает не просто направленность действия на себя, а указывает на то, чтǵо именно актуализируется: самость, *Я* или личность (как поразному может быть переведено на русский язык понятие «the self»). Хорошей иллюстрацией может служить теория самореализации К. Хорни, согласно которой у человека наличествуют как реальное *Я*, так и идеальное *Я*, и процессы

реализации могут быть обращены на любое из них. Реализация реального *Я* ведет личность по здоровому пути развития, а направленность на реализацию идеального *Я* вместо реального приводит к всевозможным видам невротических нарушений (см. *Хорни*, 1997). Поэтому перевод «self-actualization» как «актуализация *Я*» был бы более точным и адекватным. Тем не менее, приходится считаться со сложившейся терминологической традицией.

Истоки теорий самоактуализации

«Понятие самореализации, – пишет Ш. Бюлер, – берет начало у Ницше и Юнга и выступает в различных вариантах у Карен Хорни, Эриха Фромма, Курта Гольдштейна, Фриды Фромм-Райхман, Абрахама Маслоу и других авторов, пытающихся создать всеохватывающие теории конечных жизненных целей» (*Buhler*, 1959, p. 561). Л. Геллер включает в аналогичный список еще Мартина Хайдеггера, Габриэля Марселя, Гордона Олпорта и Ролло Мэя (*Geller*, 1982, p. 57); Дж. Стейн не без оснований приписывает приоритет в постулировании самоактуализации как первичного мотива Альфреду Адлеру (*Stein*, 1972, p. 107). Однако идею реализации человеком заложенных в него потенций в той или иной форме можно найти во многих философских системах, начиная еще с Аристотеля. Концептуальное же оформление на психологическом уровне, которое и легло в основу современ-

ных теорий самоактуализации, эта идея впервые получила в работах выдающегося физиолога и психолога Курта Гольдштейна (*Goldstein*, 1939, 1940).

Гольдштейн выступал, с одной стороны, против господствовавшего в современной ему биологии и психологии принципа гомеостаза, редукции напряжения как основной движущей силы поведения, а с другой стороны, против элементаристского подхода к целостному живому организму. «Куда влекут влечения?» – спрашивает он, и дает ответ: «В состоянии изоляции, как, например, у больных людей <… > преобладает тенденция снять любое возникающее напряжение. Однако у здоровых результатом нормального процесса стабилизации является формирование определенного уровня напряжения, который обеспечивает возможность дальнейшей упорядоченной активности» (*Goldstein*, 1939, p. 195 – 196). Организмом, по Гольдштейну, движет тенденция максимально полно актуализировать заложенные в него возможности, способности, свою «природу». Гольдштейн противопоставляет идею самоактуализации как единственной потребности живого организма постулированию многих частных «так называемых потребностей». В последнем он просто не видит необходимости. «Организм обладает определенными потенциями, и поэтому у него имеется потребность актуализировать, или реализовать их. Удовлетворение этой потребности представляет собой самоактуализацию организма» (*Там же*, p. 204). В определенных условиях, одна-

ко, тенденция к актуализации какой-нибудь одной из этих потенций может доминировать настолько, что организмом будет двигать преимущественно она одна (*Там же*, p. 203). Так создается иллюзия существования отдельных изолированных потребностей.

Гольдштейн первоначально считал, что осуществление заложенной в индивида тенденции к актуализации вызывает неизбежный конфликт с силами внешнего окружения. Актуализация никогда не совершается без борьбы. Нормальный и здоровый организм, актуализируясь, преодолевает препятствия, порождаемые столкновением с миром (*Там же*, p. 305). Конфликты и препятствия для индивидуальной самоактуализации коренятся и в социальных взаимоотношениях. «Самоактуализация одного индивида может быть достигнута лишь за счет определенной уступки со стороны другого, и каждый вынужден требовать от других этой уступки. Поэтому между людьми нет предустановленной гармонии» (*Goldstein*, 1940, p. 203 – 204). Возможность одновременного развития себя и другого содержится лишь в любви – высшей форме самоактуализации, а также в некоторых других «мы-феноменах» (*Там же*, p. 207 – 211).

В более поздних работах Гольдштейн перемещает акценты с биологической актуализации на сущностную реализацию человека. Существование индивида отождествляется с реализацией его сущности (intrinsic nature). «Тенденция актуализировать свою сущность порой так детерминирует по-

ведение человека, что он уходит из жизни, когда чувствует невозможность дальнейшей самореализации» (*Goldstein*, 1959, p. 179). Невозможность самореализации предстает одновременно как причина и как главное следствие душевных недугов. «Болезнь выступает как утрата или ослабление <… > ценности самореализации» (*Там же*, p. 183).

Основное изменение во взглядах Гольдштейна состоит в том, что окружающий мир перестает рассматриваться им лишь как источник препятствий для самореализации, а напротив, входит в ее позитивное определение, когда индивид находится в «отношении адекватности» к миру: «Самореализация <…> налицо, когда индивид способен выполнить то, что требует от него мир» (*Там же*, p. 181). Анализируя психотерапевтические взаимоотношения, Гольдштейн приходит также к рассмотрению других людей не в качестве препятствий, а в качестве необходимого условия самореализации индивида. Индивид способен реализовать себя лишь в единстве с другими. «Самореализация возможна лишь в том случае, если гарантирована самореализация другого» (*Там же*, p. 185).

Много общего с идеями Гольдштейна содержится в концепции «стремления к актуализации», сформулированной Карлом Роджерсом в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов прошлого века. Хотя, как мы увидим, Роджерс недалеко ушел от Гольдштейна в разработке идеи самоактуализации. Его, наряду с Маслоу, принято считать автором

полноправной психологической теории самоактуализации. У Роджерса, однако, идея самоактуализации не выступает, как у Маслоу, краеугольным камнем его построений: он рассматривает вопросы мотивации (и в том числе самоактуализацию) в контексте общей теории личности и психотерапии, тогда как Маслоу, напротив, рассматривает личность в контексте теории мотивации (см. *Arkes*, *Garske*, 1982, p. 122). Мы рассмотрим здесь лишь мотивационный аспект теории Роджерса.

«Стремление к актуализации» в теории личности К. Роджерса

Под стремлением к актуализации Роджерс понимает свойственную всем живым организмам направленность, «… стремление к росту, развитию, созреванию, тенденцию проявлять и активизировать все способности организма в той мере, в какой эта активизация способствует развитию организма или личности (self)» (*Rogers*, 1970, p. 140). Понятие стремления к актуализации охватывает широкий круг явлений. Помимо потребностей в пище, воде и др., проявлением этого стремления выступает «… дифференциация органов и функций, развитие в форме роста, повышение эффективности усилий за счет использования орудий. Оно включает стремление к новым впечатлениям ради них самих, которое явственно видно уже у младенца. Оно включает экспансию

(enhancement) и дифференциацию организма путем размножения. Это стремление к автономии, к усилению контроля над событиями» (*Rogers*, 1965, p. 22). Стремление к актуализации присуще каждому индивиду и готово проявиться при наступлении благоприятных условий. В работах Роджерса прямо не говорится, но подразумевается, что стремление к актуализации – это «… инстинкт, либо инстинктоподобное стремление; оно врождено и является частью биологической природы человека» (*Arkes*, *Garske*, 1982, p. 114).

Первое, что роднит представления Гольдштейна и Роджерса о самоактуализации, – атрибутирование ее организму как биологической целостности. Собственно психологические аспекты самоактуализации являются вторичными проявлениями этой врожденной общебиологической тенденции. Вторая их общая черта – воплощенный в идее актуализации принцип повышения напряжения как оппозиция гомеостатической парадигме в психологии мотивации. (Тенденция сохранения наличного состояния организма входит при этом у Роджерса в само понятие актуализации как необходимая ее предпосылка). И третье – это рассмотрение самоактуализации как единственной мотивационной тенденции организма. «Это субстрат всего, что можно назвать словом “мотивация”» (*Rogers*, 1963, p. 22). Как и Гольдштейн, Роджерс отрицает наличие отдельных частных «мотивов».

Вместе с тем Роджерс вводит одно важное различение, отсутствующее у Гольдштейна. Согласно Роджерсу, по ме-

ре того, как формируется и развивается личность (self), она также стремится актуализировать себя, и нередко направления актуализации организма и актуализации личности оказываются различными или даже противоположными (неконгруэнтными), что становится обычно причиной конфликта и, в конечном счете, невроза (*Rogers*, 1959; 1965). И здесь Роджерс не ставит под сомнение адекватность направленности актуализации организма. Причину неконгруэнтности он видит в неадекватном социальном научении, формирующем личность, в развитии универсальной способности человека к символизации в отрыве от врожденного стремления к актуализации организма. В этом случае нарушается «витальная гармония» и целостность индивидуума (*Rogers*, 1963). Представления Роджерса о взаимоотношении организма, несущего в себе «истинную» сущность человека, и вторичной по отношению к нему личности являются, пожалуй, наиболее уязвимым местом в его теоретических представлениях (*Geller*, 1982).

Теория самоактуализации А. Маслоу

Понятия самоактуализации (К. Гольдштейн) и стремления к актуализации (К. Роджерс) занимают важное место в системах теоретических взглядов этих авторов. Вместе с тем, как уже упоминалось, разработка и теоретическое осмысление этих понятий остаются у них на довольно аб-

страктном уровне, так что ни в том, ни в другом случае нет достаточных оснований говорить о теории самоактуализации. То же относится и к некоторым другим авторам, также учитывавшим в своих работах факт наличия у человека стремления к самореализации.

Фундаментальную психологическую теорию самоактуализации мы встречаем в работах одного из крупнейших психологов современности, основателя и лидера гуманистического течения в западной психологии Абрахама Маслоу (1908 – 1970). Разрабатывая идею самоактуализации на протяжении трех десятилетий, Маслоу сделал ее краеугольным камнем не только теории личности, но и, пожалуй, целой философско-мировоззренческой системы.

Один из критиков Маслоу выделяет три основных контекста, в которых Маслоу разрабатывал идею самоактуализации: (1) самоактуализирующиеся личности; (2) пиковые переживания (peak-experiences) трансцендентных ценностей; (3) самоактуализация как процесс развития (*Smith*, 1974, p. 168). Мы считаем необходимым выделить даже не три, а пять переходящих друг в друга аспектов, в которых Маслоу вел изучение самоактуализации: (*а*) исследование самоактуализирующихся личностей; (*б*) первая теория человеческой мотивации; (*в*) самоактуализация как процесс развития личности (вторая теория мотивации); (*г*) пиковые переживания как мгновения самоактуализации; (*д*) по ту сторону самоактуализации: теория метамотивации и ценностей бытия (тре-

тья теория мотивации). По мере перехода отодних аспектов к другим изменялся и обогащался смысл, вкладываемый Маслоу в само понятие самоактуализации. Этот процесс мы и попытаемся показать.

Исследование самоактуализирующихся личностей

По свидетельству самого Маслоу, толчком, приведшим его к ставшему классическим исследованию самоактуализирующихся личностей, послужили его учителя – Рут Бенедикт и Макс Вертхаймер. Они резко отличались от подавляющего большинства людей и казались «больше, чем просто людьми». Поворотным стал тот момент, когда Маслоу обнаружил ряд характерных черт, присущих им обоим. «Я был потрясен, – пишет он. – Я попытался найти где-либо еще это сочетание, и я находил его то в одном, то в другом человеке» (*Maslow*, 1976, p. 41).

Так складывалось представление о существовании особого типа людей – самоактуализирующихся личностей. По прикидкам Маслоу, они составляют ничтожное меньшинство (около одного процента) населения и представляют собой образец психологически здоровых и максимально выражающих человеческую сущность людей. Поэтому они разительно отличаются от большинства. «Прав был тот биолог, который заявил, что он обнаружил недостающее эволюцион-

ное звено между человекообразными обезьянами и цивилизованным человеком: это мы!» (*Maslow*, 1965 *a*, p. 45). Маслоу предпринял обширное исследование самоактуализирующихся людей с целью выявить характерный комплекс их психологических особенностей. В результате были выделены следующие 15 основных черт, присущих самоактуализирующимся людям (*Maslow*, 1970 *a*; *Маслоу*, 1999 *a*):

1) Более адекватное восприятие действительности, свободное от влияния актуальных потребностей, стереотипов и предрассудков, интерес к неизведанному.

2) Принятие себя и других такими, какие они есть, отсутствие искусственных, защитных форм поведения и неприятие такого поведения со стороны других.

3) Спонтанность проявлений, простота и естественность. Такие люди соблюдают установившиеся ритуалы, традиции и церемонии, но относятся к ним с должным юмором. Это не автоматический, а сознательный конформизм лишь на уровне внешнего поведения.

4) Деловая направленность. Такие люди заняты обычно не собой, а своей жизненной задачей или миссией. Обычно они соотносят свою деятельность с универсальными ценностями и склонны рассматривать ее под углом зрения вечности, а не текущего момента. Поэтому все они в какой-то степени философы.

5) Они нередко склонны к одиночеству и для них характерна позиция отстраненности по отношению ко многим со-

бытиям, в том числе событиям собственной жизни. Это помогает им относительно спокойно переносить неприятности и быть менее подверженным воздействиям извне.

6) Автономия и независимость от окружения; устойчивость под воздействием фрустрирующих факторов.

7) Свежесть восприятия; нахождение каждый раз нового в уже известном.

8) Пиковые переживания, характеризующиеся ощущением исчезновения собственного *Я*.

9) Чувство общности с человечеством в целом.

10) Дружба с другими самоактуализирующимися людьми; узкий круг людей, отношения с которыми весьма глубокие. Отсутствие проявлений враждебности в межличностных отношениях.

11) Демократичность в отношениях. Готовность учиться у других.

12) Устойчивые внутренние моральные нормы. Самоактуализирующиеся люди ведут себя нравственно, они остро чувствуют добро и зло; они ориентированы на цели, а средства всегда подчиняют этим целям.

13) «Философское» чувство юмора. Они относятся с юмором к жизни в целом и к самим себе, но никогда не считают смешной чью-либо ущербность или невзгоды.

14) Креативность, не зависящая от того, чем человек занимается и проявляющаяся во всех действиях самоактуализирующейся личности.

15) Они не принимают безоговорочно ту культуру, к которой принадлежат. Они не конформны, но и не склонны к бездумному бунтарству. Они достаточно критично относятся к своей культуре, выбирая из нее хорошее и отвергая плохое. Они не идентифицируются со своей культурой, ощущая себя в большей степени представителями человечества в целом, чем представителями своей страны. Поэтому они нередко оказываются в изоляции в той культурной среде, которую они не желают принять.

Помимо этих 15 общих характеристик, Маслоу опубликовал специальные исследования любви (*Maslow*, 1970 *a*, p. 181 – 202) и креативности (*Maslow*, 1968, p. 135 – 148) у самоактуализирующихся людей. Э. Шострому принадлежит интересное исследование психологического времени у самоактуализирующихся людей. По его данным, самоактуализирующиеся люди в большей степени, чем другие, ориентированы на настоящее, на здесь-и-теперь. С этим связана их бгольшая опора на себя, а также склонность к самовыражению. Вместе с тем, прошлое и будущее интегрированы у таких людей с настоящим, присутствуют в нем, образуя его фон и придавая ему смысл (*Shostrom*, 1968).

Маслоу отмечает, что более выраженная социальность и сопричастность человечеству сочетается у самоактуализирующихся людей с более ярко выраженной индивидуальностью. Для них теряют свой смысл и другие противопоставления: чувств и разума, созерцания и действия, самости и аль-

труизма, духовности и чувственности, обязанности и наслаждения, зрелости и непосредственности и многие другие, в том числе Оно, *Я* и Сверх-*Я* (*Maslow*, 1970 *a*, p. 178 – 179).

Интересно, что ни у одного из своих респондентов Маслоу не обнаружил полного набора из всех 15 характеристик. Он отмечает, что понятие «самоактуализирующиеся люди» описывает не конкретных людей, а идеальный предел, к которому они приближаются (*Maslow*, 1969 *a*, p. 58). Совершенных людей нет и быть не может. Самоактуализирующиеся люди тоже имеют свои недостатки. Они могут быть надоедливыми, раздражающими, им не чужды суетность, тщеславие, пристрастия, раздражительность, иногда неожиданные проявления жестокости и бессердечия, игнорирование других людей и т.п. Они не свободны от ошибок (*Maslow*, 1970 *a*, p. 175 – 176). У них есть свои проблемы, которые могут вызвать конфликт, фрустрацию, обиду, чувство вины, тревоги, хотя их проблемы – это реальные проблемы бытия, качественно отличающиеся от невротических псевдопроблем незрелой личности (*Maslow*, 1968, p. 210).

«Создается впечатление, – пишет Маслоу, – как будто у человечества есть единственная конечная цель, отдаленная цель, к которой стремятся все люди. Разные авторы называют ее по-разному: самоактуализация, самореализация, интеграция, психическое здоровье, индивидуализация, автономия, креативность, продуктивность, – но все они согласны в том, что все это синонимы реализации потенций индивида,

становление человека в полном смысле этого слова, становление тем, чем он может стать» (*Там же*, p. 153).

Однако с этим трудно совместить то обстоятельство, что число самоактуализирующихся людей, для которых, по мнению Маслоу, необходимо разработать новую психологию мотивации, очень невелико. Большинство же людей мотивировано в своем поведении не самоактуализацией, а мотивами более низкого уровня, описываемыми в рамках традиционных подходов. Это противоречие Маслоу разрешает в своей иерархической теории мотивации, опубликованной в 1943 году – раньше, чем исследование самоактуализирующихся личностей (1950 г.), однако уже после получения основных результатов этого исследования.

Первая теория человеческой мотивации

Исходным пунктом теории мотивации Маслоу выступает анализ понятия инстинкта, приводящий к заключению о необходимости его пересмотра (*Maslow*, 1970 *a*, p. 77 – 78). Вместе с тем Маслоу отмечает ряд достоинств теории инстинктов, которые оставались незамеченными на фоне ее недостатков. «Теория инстинктов признавала тот факт, что побуждения человека исходят из него самого, что в выборе поведения он руководствуется собственной природой, равно как и внешними обстоятельствами, что его природа задает готовую основу системы целей и ценностей, что обычно,

в благоприятных условиях, то, чего человек желает, и есть то, в чем он испытывает потребность…» (*Там же*, p. 79). Пересматривая понятие инстинкта, Маслоу заменяет его понятием базовых потребностей (basic needs), которые имеют инстинктоидную природу в том смысле, что они являются выражением природы и видовой специфики человека. В отличие от инстинктов базовые потребности могут остаться неразвитыми, поскольку их врожденный инстинктивный компонент слаб и легко перевешивается другими факторами, связанными с внешними средовыми (культурными) влияниями. Маслоу выделяет пять групп базовых потребностей: 1) физиологические потребности (голод, жажда, сексуальное влечение, сон и др.); 2) потребности в безопасности (уверенность, защищенность, порядок и др.); 3) потребности в контактах и любви; 4) потребности в признании, оценке, уважении (в том числе самоуважении) и 5) потребность в самоактуализации (*Maslow*, 1970 *a*).

Эти группы потребностей образуют иерархию. Низшие потребности – начиная с физиологических – являются одновременно и более насущными. Если эти потребности не удовлетворены, вся активность направляется на их удовлетворение, остальные же потребности просто не существуют для индивида в данный момент. Когда потребности физиологического уровня удовлетворены, они перестают определять поведение; наступает очередь потребностей в безопасности и т.д. Вообще потребности более высокого уровня мо-

гут мотивировать поведение лишь при условии удовлетворения потребностей более низких уровней.

Иерархическая модель системы базовых потребностей позволяет Маслоу объяснить, почему самоактуализация, выражающая сущность человека, далеко не всегда выступает как реальный мотив. Дело в том, что у подавляющего большинства людей оказываются не удовлетворены потребности низших уровней, более насущные, чем самоактуализация, и поэтому активность человека на протяжении всей жизни направляется на удовлетворение именно этих потребностей. Маслоу, впрочем, описывает и ряд нарушений выстроенного им иерархического порядка, а также признает возможность детерминации поведения высшими потребностями при неудовлетворенных низших, однако такие случаи – скорее исключения, чем правило. Правилом же является то, что «абсолютно здоровый, нормальный, счастливый человек не имеет сексуальных потребностей или потребностей в пище или в безопасности, или в любви, или в престиже, или в самоуважении, за исключением редких эпизодов быстро проходящей опасности» (*Maslow*, 1970 *a*, p. 57). Их место у такого человека полностью занимает стремление к самоактуализации, «определяемой как непрерывная актуализация потенций, способностей и талантов, как осуществление миссии (или призвания, судьбы, предначертания, предназначения), как более полное знание и принятие собственной сокровенной сущности, как непрестанное стремление к един-

ству, интеграции или синергии личности» (*Maslow*, 1968, p. 25).

Самоактуализация как механизм и процесс развития личности

Маслоу хорошо понимал статичность изложенных выше определений самоактуализации как высшего уровня личностного развития и высшего мотива. Поскольку объектами исследования Маслоу были преимущественно люди немолодого возраста, неудивительно, что самоактуализация представала в итоге как некое конечное состояние, отдаленная цель, а сформулированным Маслоу критериям могли соответствовать только люди, имеющие за плечами немалый жизненный путь. Этот недостаток отмечался и критиками. Поэтому уже в своей статье о мотивации развития, впервые опубликованной в 1955 году (см. *Maslow*, 1968, p. 21 – 43), Маслоу отказывается от своих утверждений о фиксированной последовательности удовлетворения потребностей в соответствии с их положением в иерархии. Он определяет развитие через разнообразные процессы, в конечном счете ведущие личность к самоактуализации, и обосновывает новую точку зрения: эти процессы имеют место на протяжении всей жизни человека и обусловлены специфической «мотивацией развития» (growth motivation), возможности проявления которой уже не находятся в прямой зависимости от степе-

ни удовлетворения базовых нужд (deficiency needs). Связывая самоактуализацию, рассматриваемую как процесс, с мотивацией развития, Маслоу утверждает: «Самоактуализация является в какой-то степени свершившимся фактом лишь у немногих людей. Тем не менее у большинства она присутствует в виде надежды, стремления, влечения, чего-то смутно желаемого, но еще не достигнутого. <……> Ценности самоактуализации существуют в виде реальных целей, даже еще не будучи актуализированными. Человек является одновременно тем, что он есть, и тем, чем он стремится быть» (*Maslow*, 1968, p. 160).

Фактически Маслоу, хоть и не отказывается здесь от выстроенной им пирамиды базовых потребностей, отбрасывает принцип жесткой иерархической последовательности их удовлетворения. Деление потребностей на две большие группы, параллельно сосуществующие в структуре личности, положило начало серии работ, в которых сравнивались «дефицитарные» и «бытийные» формы одних и тех же психологических процессов, таких как познание, любовь, управление организациями и др. Признание параллельности процессов, побуждающих человека к восполнению дефицита, с одной стороны, и к развитию и самоактуализации – с другой, можно рассматривать как вторую теорию мотивации Маслоу.

Подробный анализ этой второй теории Маслоу и ее соотношение с подходами других авторов дает Дж. Роуэн

(*Rowan*, 1999), обозначая две соответствующие группы мотивов как реактивные ценности дефицита и проактивные ценности изобилия. Как отмечает Дж. Роуэн, и на уровне самоактуализации мы находим не только мотивацию изобилия, но и мотивацию дефицита, как и на низших уровнях развития мотивация изобилия тоже присутствует. Движение возможно в обе стороны, оно может быть как восходящим, так и нисходящим. Достижение уровня самоактуализации и реальности Бытия не означает утраты низших мотивов – они просто становятся фоновыми, менее насущными.

Большую роль в изменении позиции Маслоу сыграли данные изучения личности и ее изменений в процессе психотерапии. Исходя из этих данных, Маслоу признает наличие у большинства людей (возможно, у всех) стремления к самоактуализации и, более того, наличие у большинства людей способности самоактуализироваться, по меньшей мере, в принципе (*Maslow*, 1968, p. 158), причем самоактуализация каждого отдельного человека уникальна и неповторима. Но осуществлению самоактуализации во многих случаях мешают присутствующие также у каждого человека регрессивные тенденции, в основе которых лежит страх, враждебность или праздность. В частности, Маслоу описывает «комплекс Ионы» – синдром страха перед собственными возможностями, перед собственной самоактуализацией, который ограничивает возможности нашего собственного развития. «Мы боимся как худшего в нас, так и лучшего, хотя и по-разно-

му. <……> Часто мы бежим от ответственности, которую диктует (или, скорее, предлагает нам) наша природа, судьба, порой даже случай, подобно тому, как Иона пытался – тщетно! – бежать от собственной судьбы» (*Maslow*, 1976, p. 34). Возобладание подобных регрессивных тенденций является признаком личностной патологии и частой причиной невроза. «Часто у творчески одаренного человека полжизни уходит на то, чтобы найти общий язык со своим талантом, полностью принять его, раскрепоститься, то есть преодолеть амбивалентность по отношению к своему таланту» (*Maslow*, 1996, p. 48).

Пиковые переживания как эпизоды самоактуализации

Мы уже рассмотрели взгляды Маслоу на самоактуализацию как на уровень развития, мотив и сам процесс развития. Еще одно понимание самоактуализации – как кратких эпизодов в жизни человека – мы находим в работах Маслоу, посвященных проблеме переживаний (*Maslow*, 1965 *a*; 1968; 1970 *b*). Понятие пикового переживания Маслоу в инструкции своим респондентам операционализировал в виде просьбы описать «… самое чудесное переживание или переживания Вашей жизни; самые счастливые мгновения, мгновения восторга, экстаза, быть может, в любви, или при слушании музыки, или при внезапном потрясении от книги или

картины, или в великие мгновения творческого вдохновения» (*Maslow*, 1968, p. 71).

В статье «Сознавание бытия в пиковых переживаниях» Маслоу дает подробное описание пиковых переживаний в 19 пунктах (*Там же*, p. 71 – 102). Сначала он рассматривал их как одну из общих характеристик самоактуализирующихся личностей (см. выше). Позже, однако, он убедился в том, что пиковые переживания встречаются практически у всех людей. Единственное различие заключается в том, что одни люди принимают и ценят такие переживания, другие же стараются их вытеснить или рационализировать (*Maslow*, 1965 *a*). Пиковые переживания оказались удобной моделью для изучения самоактуализации. «Каждый человек, – пишет Маслоу, – в каждом пиковом переживании временно приобретает многие из тех характеристик, которые я обнаружил у самоактуализирующихся личностей, другими словами, он на какое-то время становится самоактуализирующимся» (*Maslow*, 1968, p. 97). Исходя из этого, Маслоу определяет самоактуализацию как эпизод, в котором природные способности индивида проявляются особенно эффективно, в котором он более эффективно актуализирует свои потенции, становится самим собой и вместе с тем человеком в более полном смысле слова. «Нам уже больше не нужно искать тех редких людей, – пишет Маслоу, – которых можно назвать самореализующимися большую часть времени. В любой жизни мы можем, по меньшей мере теоретически, отыс-

кать эпизоды самоактуализации» (*Там же*).

Маслоу придает большое значение пиковым переживаниям в жизни несамоактуализирующихся людей. По его мнению, пиковые переживания могут придавать жизни смысл и ценность, могут ликвидировать состояние «экзистенциальной бессмысленности» и выступать фактором, предотвращающим самоубийства (*Maslow*, 1970 *b*). Вместе с тем он решительно выступает против попыток сверхъестественного, мистического объяснения пиковых переживаний, отстаивая их естественное происхождение и природу. В своей концепции возникновения религии он утверждает, что символический язык теологии возник как система метафор для описания (с целью трансляции другим) экстатических пиковых переживаний, имеющих вполне земную природу. Впоследствии же эта система символов приобрела в глазах людей самостоятельное значение и создалось убеждение, что за ней стоит некая сверхъестественная действительность (*Там же*).

По ту сторону самоактуализации: теория метамотивации и ценностей бытия

В 1960-е годы интерес Маслоу смещается от проблем становления человека к проблемам его Бытия как полноценной, развитой личности. Книга Маслоу «К психологии Бытия» (*Maslow*, 1968), первое издание которой вышло в 1962 году, является в этом отношении переходной. В частности,

исследование пиковых переживаний как мгновений Бытия позволило изучить ряд характеристик сознания на уровне Бытия или Б-сознания. В книге содержится постановка проблемы психологии Бытия, которая «имеет дело с целями, а не со средствами, то есть с переживаниями-целями, с ценностями-целями, со знанием-целью, с людьми как с целями. Современная же психология пока занималась больше отсутствием, чем обладанием, стремлением, чем осуществлением, фрустрацией, чем удовлетворением, поисками радости, чем обретением радости, стремлением достичь, чем стремлением быть» (*Maslow*, 1968, p.73). В этом контексте Маслоу определяет самоактуализацию как развитие личности, связанное с переходом от невротических или инфантильных «неистинных» жизненных проблем к «истинным», экзистенциальным, неизбежным, сущностным проблемам человека (*Там же*, p. 115). Самоактуализация, таким образом, выступает как предпосылка жизнедеятельности человека на уровне Бытия, что связано с коренными изменениями, происходящими в его личности. «Более полноценный, здоровый человек <…> будет обнаруживать <…> десятки, сотни и миллионы отличий в поведении, переживании, восприятии, общении, учении, труде. <……> Он будет просто человеком другого типа, который будет вести себя иначе во всех отношениях» (*Maslow*, 1976, p. 71).

Маслоу приходит к необходимости различать обычную мотивацию людей, не достигших самоактуализации (речь

здесь идет о базовых потребностях), и мотивацию людей, живущих «по ту сторону» самоактуализации, на уровне Бытия. Для ее характеристики он вводит понятия «метапотребности» и «метамотивация» (*Maslow*, 1969 *b*). На уровне Бытия человек всегда имеет какое-то призвание, миссию, и труд по ее осуществлению является достаточным мотивом и вознаграждением сам по себе. Такие люди прочно идентифицируются со своим призванием и описывают его в терминах высших ценностей: достижения совершенства, раскрытия истины, совершения справедливости и т.п. Другими словами, метамотивами таких людей выступают ценности Бытия или Б-ценности. Маслоу выделяет 14 таких ценностей: 1. Истина. 2. Добро. 3. Красота. 4. Целостность. 4 *a*. Единство противоположностей. 5. Жизненность (процесс, движение). 6. Уникальность. 7. Совершенство. 7 *a*. Необходимость. 8. Завершенность. 9. Справедливость. 9 *a*. Порядок. 10. Простота. 11. Богатство. 12. Легкость. 13. Игра. 14. Самодостаточность (*Maslow*, 1969 *a*, p. 59). Эти ценности входят в само определение человеческой сущности. Для самоактуализирующихся людей они, однако, выступают не только как объективные ценности Бытия, но и как их личное достояние, часть их личности. Маслоу, впрочем, допускает, что все люди могут быть в какой-то степени метамотивированы и границу между самоактуализирующимися и остальными людьми в этом отношении провести трудно.

Считая Б-ценности частью человеческой природы, Мас-

лоу решительно отмежевывается от всяких попыток их сверхъестественного истолкования. Однако он видит лишь одну альтернативу этому – признание их «аспектами биологии человека», имеющими инстинктоидную природу и транскультурный характер. «Эти конечные истины, – пишет Маслоу, – остаются истинами в рамках определенной системы. По-видимому, они истины для вида "человек", в том смысле, в каком теоремы Евклида абсолютно верны в рамках Евклидовой системы» (*Maslow*, 1970 *b*, p. 95). В рамках человечества Б-ценности оказываются универсальными. Культуре же отводится роль лишь фактора, влияющего на их актуализацию, которая может и не произойти. Маслоу предполагает, что стремление к духовным Б-ценностям в зародыше содержится в каждом новорожденном младенце, но большинство людей оказываются неспособными реализовать его по причинам, имеющим социальную природу: нищета, эксплуатация, предрассудки (*Maslow*, 1969 *b*, p. 181).

Исследования психологии Бытия привели Маслоу к обнаружению еще одного Б-феномена: плато-переживаний (см. *Maslow*, 1970 *b*; *Krippner*, 1976). В плато-переживаниях, так же, как и в пиковых переживаниях, человеку открывается реальность Бытия и ценности Бытия, однако плато-переживания являются произвольными, более длительными и менее яркими состояниями, характеризующими скорее медитацию и просветление, чем экстатический инсайт. Маслоу характеризует эти переживания как «…своего рода интегра-

тивное сознание, которое имеет некоторые преимущества и некоторые минусы по сравнению с пиковыми переживаниями. Я могу довольно просто определить для себя это интегративное сознание как одновременное восприятие сакрального и обыденного, чудесного и обыкновенного или чудесного и довольно постоянного или протекающего легко, без усилий. Я теперь воспринимаю под углом зрения вечности обычные вещи и вижу в них мифическое, поэтическое и символическое. Это, как вы знаете, дзенское переживание. Нет ничего исключительного и ничего особенного, просто вы все время живете в волшебном мире» (*Krippner*, 1976, p. 657). Маслоу, который незадолго до этого перенес первый инфаркт, связывает плато-переживания с опытом конфронтации со смертью, который меняет сознание. «Плато-переживание парадоксально по причине смешения в нем постоянства и смертности. Вам жалко себя и вас печалит, что все проходит, однако в то же время вы более остро наслаждаетесь тем, что другие игнорируют <……>. Если вы прошли через этот опыт, вы можете больше быть здесь-и-теперь, чем после всех видов духовных упражнений <……>. Соперничество и планирование жизни исчезают. Иерархия доминирования, состязание, соперничество и слава внезапно становятся глупостями. Определенно происходит сдвиг ценностей, понимания что важно, а что неважно, что главное, а что нет» (*Там же*,p. 663).

Маслоу тесно связывает плато-переживания с трансцен-

денцией, вводящей человека в реальность Бытия. Психологическая теория трансценденции, в частности, «теория Z» – концепция трансценденции самоактуализации – оказалась последним вкладом Маслоу в развитие теории самоактуализации. В ней Маслоу вводит различение двух типов самоактуализирующихся людей: «просто здоровые самоактуализирующиеся личности» и «трансценденты». Первые «… живут в мире, чтобы осуществить себя в нем. Они овладевают им, управляют им, используют его в целях добра, как (зрелые) политики и практики. Другими словами, эти люди являются больше деятелями, чем созерцателями, прагматиками, чем эстетами.<…>

Люди другого типа (трансценденты) часто гораздо более сведущи в реальности Бытия (Б-реальность и Б-сознание), больше живут на уровне Бытия <…>, более очевидно метамотивированы, имеют целостное сознание и более или менее частые “плато-переживания”…» (*Maslow*, 1976, p. 271). И тех и других объединяют общие признаки самоактуализирующихся людей; вместе с тем Маслоу описывает 24 особенности трансцендентов, которыми «просто самоактуализирующиеся люди» не обладают или же обладают в гораздо меньшей степени. Назовем лишь некоторые из них: для трансцендентов пиковые переживания и плато-переживания являются самым главным в жизни; они воспринимают все под углом зрения вечности; они более чувствительны к красоте; они выглядят более таинственными, «неземными» и т.д.

Внезапная смерть прервала исследование Маслоу «новых рубежей человеческой природы» (так называется его последняя книга – *Maslow*, 1976; *Маслоу*, 1999 *б*). Однако созданная им теоретическая система, которую мы обрисовали в самых общих чертах, бесспорно привела к существенному изменению облика психологической науки в пятидесятые-шестидесятые годы XX века.

Критика гуманистических концепций самоактуализации

Прогресс в развитии идей Маслоу после его смерти был относительно невелик, несмотря на то, что изучение самоактуализации его последователями продолжалось. Возникло мнение, что само движение гуманистической психологии должно угаснуть с уходом его лидеров (*Giorgi*, 1981). Одновременно активизировалась критика в адрес различных аспектов гуманистического подхода, в том числе в адрес концепций самоактуализации. Уязвимость концепций Маслоу и Роджерса по ряду пунктов стала предметом пристального внимания (см. *Smith*, 1984), хотя критика в их адрес возникла одновременно с появлением этих концепций и значительная доля ее исходила и исходит от авторов, причисляющих себя или тесно примыкающих к гуманистическому направлению (Ш. Бюлер, В. Франкл, М.Б. Смит).

Первым объектом критики стало само исследование са-

моактуализирующихся людей, осуществленное Маслоу. По мнению многих, это исследование не отвечало критериям научности, – в частности, критерию повторяемости, – и поэтому его нельзя назвать иначе, как спекулятивным (см., например, *Smith*, 1974, p. 168). Особенно резкую критику вызвала субъективность критериев выбора самоактуализирующихся людей. Д. Мак-Клелланд, Ш. Бюлер, М. Б. Смит указывают на то, что эти критерии не могут не находиться в прямой связи с системой ценностей самого автора исследования или, по меньшей мере, культуры, к которой он принадлежит. «Кто вправе выбирать наиболее самоактуализирующихся людей – Маслоу, Святой Павел или Мао Цзедун?» (*McClelland*, 1955,p. 33). Ш. Бюлер убедительно показывает, что осуществление себя у разных людей, и в особенности у представителей разных культур, часто происходит не путем «самоактуализации», а иными путями (*Buhler*, 1960, S. 488 – 489). Исходя из этого, она обвиняет концепцию Маслоу в односторонности. Выделяя четыре фундаментальных тенденции человеческой жизни: удовлетворение потребностей, адаптивное самоограничение, творческую экспансию и поддержание внутренней гармонии, Ш. Бюлер утверждает, что самоосуществление как конечная жизненная цель может в разные моменты времени реализоваться в любой из этих четырех тенденций.

Э. Шостром обращает внимание на то, что многие из людей выбраны Маслоу как образцы самоактуализирующих-

ся личностей лишь на основании их достижений на общественном поприще. В личной же жизни у них все обстояло не так блестяще: Линкольн отличался женоненавистничеством и склонностью к депрессиям, у Томаса Джефферсона было гипертрофированное самолюбие и жажда власти и т.п. (*Shostrom*, *Knapp*, 1976, p. XV – XVI). Поэтому неотъемлемой частью системы психотерапии через актуализацию, разработанной Э. Шостромом с соавторами, является формирование у клиентов, наряду со стремлением к актуализации, способности смириться со своими слабостями, ограниченностью и недоразвитостью в отдельных сферах жизнедеятельности (*Там же*, p. XVI).

Переходя к теоретически уязвимым аспектам, которые критики находят в самом понятии самоактуализации, в первую очередь укажем на присущую теориям самоактуализации эгоцентричную модель личности и ее развития, которая подвергается критике с самых разных позиций. Так, последователь А. Адлера Х. Ансбахер утверждает, что истинная самоактуализация необходимо должна включать в свое определение содействие самоактуализации других (*Ansbacher*, 1971). Напомним, что к этой мысли пришел в своих поздних работах К. Гольдштейн, однако Роджерс и Маслоу не придали ей значения.

Специально анализирующие проблему эгоцентризма в различных теориях личности М. и Л. Уоллах называют романтической иллюзией представления Маслоу и Роджерса

о том, что все будет хорошо, если только каждый получит возможность свободно актуализировать себя (*Wallach M.*, *Wallach L.*, 1983, p. 161, 170). М. и Л. Уоллах указывают на опасность того, что стремление индивида к самоактуализации может вступить в конфликт с интересами других и с соображениями общей пользы. Само по себе это стремление не является залогом всеобщего благополучия. Теории самоактуализации по сути закрывают глаза на все, происходящее вне индивида, не учитывая возможности столкновения его интересов с интересами других людей и социальных общностей (*Там же*, p. 170).

Эгоцентричность модели самоактуализирующейся личности отмечает и В. Франкл, противопоставляющий идее актуализации собственного *Я* концепцию реализации человеком трансцендентных ценностей и смысла жизни. Самотрансценденцию человеческого бытия Франкл рассматривает как общечеловеческий феномен, а самоактуализацию – как ее побочное следствие. «Человек, – пишет он, – всегда направлен вовне себя на что-то, что не является им самим, – на что-то или на кого-то: на смысл, который человек реализует, или на со-человека, с которым он вступает в контакт. И лишь постольку, поскольку человек таким образом трансцендирует самого себя, он и осуществляет себя – в служении делу или в любви к другому» (*Frankl*, 1979, S. 92). Маслоу наделяет этой особенностью лишь человека, уже достигшего уровня Бытия.

В приведенной цитате содержится одновременно критика и второго уязвимого аспекта теории самоактуализации, а именно – рассмотрения самоактуализации как единственной конечной цели. «Самоактуализация, – пишет В. Франкл, – подобно могуществу и наслаждению, относится к классу тех вещей, которые могут быть достигнуты лишь в качестве побочного эффекта и уплывают от нас в той мере, в какой мы делаем их объектом прямой направленности <…>. Самоактуализация происходит спонтанно, она нарушается, когда ее превращают в конечную цель» (*Frankl*, 1967, p. 8). Конечной же целью, по Франклу, выступает реализация смысла, который, будучи надличностным, имеет при этом «посюстороннюю» природу.

В этой связи Л. Геллер видит основную слабость теорий самоактуализации в признании вообще существования определенных конечных целей или ценностей, к реализации которых должен стремиться человек (*Geller*, 1984, p. 103). Он отмечает, что развитие человека многомерно – индивид не обязан стремиться к какому-то определенному типу совершенства (*Там же*, p. 106). Поэтому неудачу в обосновании Маслоу и Роджерсом самоактуализации как конечной цели он объясняет не слабостью теории, а неадекватностью самого замысла.

Третьим уязвимым аспектом концепций самоактуализации является отождествление позитивного развития человека с максимальным развитием заложенных в него потен-

ций. Как указывает М.Б. Смит, «пороки и зло точно так же входят в число человеческих потенций, как и добродетель, специализация – точно так же, как всестороннее развитие. Этику нельзя привязать к биологии, как это пытался сделать Маслоу» (*Smith*, 1974, p. 172). В. Франкл, также критикуя эту доктрину, названную им «потенциализмом», приводит в качестве примера Сократа, который считал, что он имел все задатки для того, чтобы стать талантливым преступником. Хорошо или плохо, что он не реализовал эти потенции? Франкл говорит о необходимости постоянного принятия решения о том, какие из возможностей, потенций заслуживают реализации, о бремени выбора, лежащем на человеке по этой причине, о примате должного (Gesollte) над возможным (Gekonnte) (*Frankl*, 1979, S. 77 – 99). «Всесторонняя самоактуализация не является ни возможной, ни желательной, – замечает в этой же связи еще один автор. – Некоторые из потенций всегда приносятся в жертву, когда человек выбирает определенный путь в жизни <…>. В течение своей жизни человеку приходится отказываться от многих возможностей, которые несовместимы с его актуальным образом жизни» (*Weisskopf*, 1969, p. 140).

С потенциализмом неразрывно связано положение о предзаданности развития человека, о том, что сущность человека предшествует его существованию. Представители экзистенциально-феноменологической психологии характеризуют такой подход как аристотелевский, где человек наделен

от рождения энтелехией, или потенцией реализовать свою человеческую сущность. Этому подходу противопоставляется рассмотрение самоактуализации как акта (точнее, серии актов) самотрансценденции индивида, в котором (которых) он творит себя; существование предшествует сущности (*Weckowicz,* 1981; подробнее об этом см. *van Kaam*, 1966).

Л. Геллер подвергает представления Роджерса и Маслоу о природе и сущности человека, о развитии его потенций, детальному разбору с точки зрения их внутренней логической непротиворечивости и приходит к неутешительным выводам. Взгляды Роджерса, охарактеризованные им как «наивные и некритичные», описывают «необъяснимую и парадоксальную реальность» (*Geller*, 1982, p. 62, 60). В ней наша глубинная сущность, которой мы должны хранить верность, оказывается не заслуживающей доверия. В гораздо более серьезной, по его мнению, теории Маслоу он также обнаруживает принципиальную внутреннюю рассогласованность, затрагивающую представления о природе человека и о «метапатологиях» – нарушениях самоактуализации. Если природа человека внутренне гармонична, бесконфликтна – тогда метапатологии необъяснимы. Чтобы сохранить неприкосновенным постулат об истинности и бесконфликтности человеческой природы – краеугольный камень его теории, – Маслоу должен отказаться от идеи, что все развитие детерминировано «изнутри». Это позволяет объяснить возникновение метапатологий социальными факторами среды, но при-

водит, однако, к новому противоречию: в этом случае потребности человека уже не могут рассматриваться как трансисторические и транскультурные; теория самоактуализации теряет свою универсальность (*Там же*, p. 66).

Логический анализ теорий Маслоу и Роджерса, осуществленный Л. Геллером (*Geller*, 1982), выявляет четвертый уязвимый аспект теорий самоактуализации – присутствующий в них отрыв личности от общества, утверждение о независимости развития личности от факторов социокультурного окружения (см. также *Smith*, 1974; *Marks*, 1979). В частности, С. Маркс отмечает, что социокультурные силы не обязательно воздействуют на личность в направлении, препятствующем ее самоактуализации, как считал Маслоу. Часто бывает наоборот – культура способствует самоактуализации, а сопротивление влиянию культуры будет противоречить самоактуализации. С. Маркс считает, что гуманистические психологи не в ладах с социальным детерминизмом потому, что они видят, что арсенал социальных поощрений и наказаний в современной Америке направлен скорее на подавление развития личности, чем на самоактуализацию (*Marks*, 1979, p. 29 – 30). М. и Л. Уоллах указывают на мнимый характер противоречия между детерминацией поведения внешними целями и следованием своим внутренним чувствам и желаниям; на самом деле одно невозможно без другого (*Wallach M., Wallach L.,* 1983, p. 171).

О слепоте теорий самоактуализации к фактам социаль-

ной обусловленности личностного развития говорят У. Норд (*Nord*, 1977) и Д. Летбридж (*Lethbridge*, 1986). По мнению У. Норда, «гуманистическая психология во многом слишком психологична для того, чтобы быть действительно гуманистической» (*Nord*, 1977, p. 82). Норд видит основной барьер на пути развития «гуманистической психологии» в недооценке влияния макросоциальных сил. «Гуманистической психологии» присущ «латентный консерватизм» – представление о природе человека как вечной и неизменной (*Там же*, p. 81 – 82). Напротив, в представлениях КарлаМаркса, в которых Норд видит много общего с «гуманистической психологией», человеческая природа рассматривается не как заданная, а как становящаяся. Исходя их этого, Норд считает работы К. Маркса той основой, на которой возможен прогресс в достижении гуманистических целей и которая в состоянии помочь «гуманистической психологии» расширить свой подход и пересмотреть некоторые из ее неявных допущений (*Там же*).

Из тех же позиций исходит и Д. Летбридж, утверждающий, что подлежащие актуализации «…смыслы и ценности сегодня – не те же, что были вчера, а завтра вновь станут другими» (*Lethbridge*, 1986, p. 99). Разделяя критические положения У. Норда, Д. Летбридж развивает и дополняет их: «Латентный консерватизм позиции Маслоу становится очевиден, если задуматься над тем, какие реальные индивиды, живущие в каком реальном обществе, делающие ка-

кую реальную работу и обладающие каким реальным доходом имеют какие-либо шансы стать самоактуализирующимися личностями» (*Там же*, p. 90). В капиталистическом обществе самоактуализация – удел немногих. Лишь в обществе, где не господствует отчуждение, самоактуализация может стать обычным явлением. Самоактуализация, однако, согласно Д. Летбриджу, имеет иную природу и иные механизмы, чем те, которые описывались Роджерсом и Маслоу. Летбридж не только ставит в своей статье задачу построения диалектико-материалистической теории самоактуализации, но и формирует основные положения этой теории, опираясь преимущественно на идеи советской психологической школы Выготского – Леонтьева. Основная проблема, относящаяся к самоактуализации, формулируется Д. Летбриджем так: «Каким образом максимизировать интернализацию ценностей и смыслов и как затем способствовать их экстернализации» (*Там же*, p. 99).

Как отмечают Р. Шоу и К. Колимор, признавая наличие потенциала самоактуализации у каждого, Маслоу во многом связывал большее или меньшее развитие этого потенциала с биологическими причинами и считал, что люди, у которых этот потенциал развит в большей степени, заслуживают наибольшего уважения. В своих дневниках (опубликованных посмертно) Маслоу писал: «Я полагаю, что существуют люди от рождения более и менее развитые. Как же может быть иначе? Ведь все варьирует от большого к малому.

<…> Мы должны сделать мир безопасным для высокоразвитых людей. Чем ниже уровень культуры и уровень развития людей, тем вероятнее они будут ненавидеть людей высокоразвитых, уничтожая их или принуждая их прятаться и маскироваться. Чем выше будет уровень образования основной массы населения, тем лучше будет для элиты – меньше опасности, больше аудитория, больше последователей, защиты, финансовой поддержки и т.д.» (*Maslow*, 1979, p. 262 – цит. по: *Shaw*, *Colimore*, 1988, p. 54).

А. Эрон усматривает в работах Маслоу воплощение одновременно двух противоречащих друг другу взглядов на природу человека (*Aron*, 1977). Демократическая позиция заключается в признании автономии и свободы личности, уникальности системы ценностей каждого человека, в подчеркивании терпимости к иным взглядам как ценности самоактуализирующихся людей. Аристократическая же позиция выражается в стремлении Маслоу к иерархизации всего – идей, ценностей, людей, организаций и обществ. А. Эрон подчеркивает несовместимость демократической и аристократической ориентации в одном и том же человеке и тем самым логическую противоречивость концепции Маслоу под этим углом зрения (*Там же*).

Обсуждение этого вопроса было подхвачено другими авторами. В частности, К. Хэмпден-Тёрнер в комментарии к статье Эрон относит противопоставление демократизма и элитаризма к числу тех ложных дихотомий, которые Мас-

лоу в своей теории личности удалось преодолеть (*Hampden-Turner*, 1977). Большинство авторов, однако, скорее разделяют точку зрения А. Эрон. Так, А. Басс считает, что это противоречие во взглядах Маслоу действительно существует, и что оно отражает фундаментальное противоречие, имеющее место в американском обществе, где идеал демократии сочетается на деле с властью элиты. Эту двойственность, проявляющуюся и на уровне сознания отдельного человека, Маслоу ошибочно отнес за счет его биологической природы (*Buss*, 1979).

Социально-политический анализ А. Басса был углублен и дополнен социально-экономическим анализом в работе Р. Шоу и К. Колимор (*Shaw, Colimore,* 1988). Шоу и Колимор показывают, что демократизм и элитаризм в общественном сознании и общественной идеологии США выступают закономерным следствием и порождением одного явления – рыночной экономики. С этой точки зрения авторы рассматривают теорию Маслоу как идею капитализма, доведенную до логического завершения. Маслоу-демократ, по их мнению, выражает психологический вариант экономического индивидуализма в условиях общества свободного предпринимательства (*Там же,* p. 68). Личностные ресурсы в концепции Маслоу предстают как аналог материальных ресурсов в экономике, которые должны развиваться, то есть, в данном случае, актуализироваться (*Там же,* p. 59). Маслоу-аристократ, с другой стороны, защищает существование сильной эконо-

мической и политической элиты в иерархически стратифицированном обществе (*Там же,* p. 68). Приведем еще одну цитату из дневников Маслоу, служащую серьезным основанием для последнего вывода: «Взрослый человек, фиксированный на уровне потребности в безопасности или в любви – это неполный или усеченный (diminished) человек и с ним нужно соответственно обращаться и соответственно говорить; он может понять и прочувствовать лишь обращение на языке соответствующего уровня <…>. Нелепо давать “низшим” людям те же законы, что и “высшим”. Верховный суд в своих решениях к каждому человеку относится так, как если бы он был Томасом Джефферсоном. Я бы сказал, что неполный человек обладает меньшими правами, чем самоактуализирующийся человек» (*Maslow*, 1979, p. 687 – цит. по: *Shaw, Colimore,* 1988, p. 65). Противоречие между демократизмом и аристократизмом разрешалось для Маслоу или в утопической идее создания синергичного окружения, или в компромиссной модели «…иерархически структурированного общества, предоставляющего индивидам равные возможности для реализации их неравных потенциалов» (*Shaw, Colimore,* 1988, p. 71).

Таким образом, теория самоактуализации Маслоу, при рассмотрении под углом зрения ее мировоззренческого содержания, также обнаруживает определенную внутреннюю противоречивость. Следует, правда, отметить, что эта противоречивость не вытекает из самой идеи самоактуализации

как движущей силы развития личности, а характеризует конкретную форму реализации этой идеи в иерархической теории Маслоу; вытекает же она из объективных противоречий жизни американского общества 1950 – 60-х годов.

Разрыв между личностью и обществом в теориях самоактуализации тесно связан с пятым теоретически уязвимым их аспектом – с биологизацией природы человека в теориях Маслоу и Роджерса. В критических работах (*Smith*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.